

УДК 130.2 130.3

ПРОЦЕСС ПРЕВРАЩЕНИЯ ОБРАЗА ПТИЦЫ (ГАГАРЫ) В СИМВОЛ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

Лукина Ольга Германовна,

ассистент кафедры дизайна Тюменского государственного нефтегазового
университета, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: lukina_79@inbox.ru

Лазутина Татьяна Владимировна,

д-р филос. наук, профессор кафедры философии Тюменского
государственного нефтегазового университета, Россия, 625000, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 38. E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

Рассматривается символотворчество (как процесс наделения символическим значением культурных феноменов, обусловленных культурно-историческим контекстом) народов Севера России. Исследование посвящено образной системе, лежащей в основе национального мышления народов Севера России (финоугорской, самодийской, тунгусо-маньчжурской, тюркской, чукотско-корякской, эскимосско-алеутской групп). Центральной проблемой работы является анализ механизмов процесса превращения образа птиц в символ на примере сакральной культуры народов Севера России.

В ходе исследования разнообразного эмпирического материала, раскрывающего особенности символотворчества народов Севера России, были применены: диалектический метод, способствующий рассмотрению вещи в единстве и разнообразии ее свойств; семиотический анализ и системный подход, позволяющие рассматривать язык искусства народов Севера России как открытую для изменений некоторую целостность.

В результате обобщения данных теоретических исследований археологического и этнографического материала и проведенного анализа системы образов декоративно-прикладного искусства были сделаны выводы о том, что коренные народы Севера сохранили национальные традиции, где жива память о мифологических и тотемических образах птиц-демиургов, которые в процессе эволюции приобрели значение символа. Практика свидетельствует, что символ, как универсальная категория художественного творчества, функционирует на всех уровнях организации языковой системы культуры народов Севера России.

Космогонические воззрения народов Севера России способствуют возникновению орнитоморфной символики, используемой в их художественной практике, где особо важное значение придавалось образу гагары, олицетворяющему женское начало, благополучие и счастье, воспринимаемому в качестве посредника между верхним и нижним миром.

Ключевые слова:

Символотворчество, язык, образная система, традиционное искусство, культура.

В контексте интеграционных процессов, наблюдающихся в современном научном мире, и происходящей глобализации в жизни общества обращение к национально-самобытному развитию культуры народов Севера России вызывает особый интерес. Актуальным является рассмотрение Севера и Дальнего Востока России как поликультурного региона, где сплетаются воедино уникальные представления о мире и человеке народностей ханты, манси, ненцы, саамы, селькупы, чукчи, якуты, эвенки, коряки, эскимосы, алеуты, энцы, долганы, нганасаны, кеты, юкагиры, эвены, ительмены, ульчи, нанайцы, нивхи, удэгейцы, ороки, негидальцы, орочи. Интерес современной науки к теме сакрального вызван потребностью понимания специфики архаического и традиционного компонентов культуры, функционирующих в обществе коренных народов Севера.

Национальная культура, выступающая как самосознание народов Севера России, имеет ряд особенностей, изучение которых не может быть ограничено одной лишь областью изучения, например, в рамках социологии или этносемиотики. В ходе развития знания о сакральной культуре северных народов в этнологии, культурологии, философии (в рамках онтологии и гносеологии), психологии и

эстетике была осознана особая роль знаков (символов) в жизни как конкретного человека, так и общества в целом, что привело к поиску специфики языка искусства народов Севера России и выявления функций, выполняемых им.

В наши дни искусство понимается как специфический способ фиксации ценностных отношений и рассматривается как система материальных и духовных ценностей, созданных человеком (обществом), направленных на формирование социального идеала. Эстетическая информация в искусстве коренных народов Севера передается развитым комплексом выразительных и изобразительных средств, создающих систему образов при помощи сложной системы знаков. Среди обширного перечня знакообразований (систем сигналов, знаков и символов), используемых в художественной практике народов Севера России, наиболее информативными являются символы. Практика свидетельствует, что символ, как универсальная категория художественного творчества, функционирует на всех уровнях организации языковой системы культуры народов Севера России.

В ходе исследования разнообразного эмпирического материала, раскрывающего особенности символотворчества народов Севера России, были

применены диалектический метод, способствующий рассмотрению вещи в единстве и разнообразии ее свойств; семиотический анализ и системный подход, позволяющие рассматривать язык искусства народов Севера России как открытую для изменений некоторую целостность.

В результате обобщения данных теоретических исследований археологического и этнографического материала и проведенного анализа системы образов декоративно-прикладного искусства, были сделаны выводы о том, что коренные народы Севера сохранили национальные традиции, где жива память о мифологических образах птиц-демиургов, которые в процесс эволюции приобрели значение символа. К знаковым системам языка культуры народов Севера применим диалектический подход, позволяющий сформировать о них развитое представление. Факты свидетельствуют, что язык искусства народов севера России совмещает в себе национальный и универсальный компоненты, в нем «уживается» индивидуальное и общественное, самобытное и общечеловеческое, природное и культурное начала.

Язык искусства может не только изображать явления и предметы окружающей действительности, но и создает посредством специфических средств образы фантастичные, иррациональные предметы.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что в художественном творчестве коренных народов Севера России мифологические образы получили широкое распространение. Факты свидетельствуют о том, что орнитоморфная символика играет важную роль в понимании и объяснении взаимоотношений между человеком и миром, в раскрытии вопросов о происхождении и развитии мира.

Современные исследователи (С.В. Березницкий, Г.М. Василевич, А.В. Головнев, А.И. Савинов и др.) указывают на общность представлений аборигенного населения о начале творения, которое отнесено к неопределённому времени и рисуется в сознании коренных северных народов как сочетание двух исходных субстанций, которые олицетворяют противоположности, например вода и горы у лесных ненцев, вода и небо у нанайцев, тунгусов, долган и северных якутов [1–5]. Существуют мифы, трактующие происхождение мира исходя из одной субстанции (к примеру, енисейские ненцы упоминают о воде как начале мироздания или нанайские представления об иле – источнике жизни).

В мифологии коренных народов Севера России распространен сюжет о том, как «верховный творец отправляет на поиски земли верхних птиц лебедя и гуся, которые не нашли суши нигде. Тогда создатель посылает гагару. Она ныряет вертикально вниз, пробыв под водой шесть дней и увидев землю, не может достать ее. После того творец посылает птицу лыжури, которая, нырнув, принесла землю на седьмой день. Из принесённого кусочка земли демиург сотворил сушу». По другой версии в роли творца и его помощника выступают горно-

стай, как воплощение светлого, верхнего духа, и гагара, которая, нырнув, «через семь недель вынесла во рту один камешек и одну крупицу земли, после чего уснула. Когда через какое-то время Гагара проснулась, она увидела, что возникли земля, горы и духи – хозяева неба и земли» [3. С. 395–397].

У эвенков в роли помощников творца также выступали птицы – гоголь и гагара, которая «нырнув, достала землю и выплюнула ее на воду», а у нанайцев – лебедь и гагара [2. С. 214]. В картине сотворения мира у тунгусов, долган и северных якутов, по наблюдениям многих исследователей (Г.В. Ксенофонтов, В.Н. Васильев, Г.И. Эргис, И.С. Гурвич), мифологический мотив, связанный с птицей-демиургом, имеет особое место. Известно, что в Северной Азии данный космогонический миф о «ныряющей птице» обладает довольно обширной культурной областью распространения. Этот образ присущ и креационным мифам долган, где гагара выступает создателем земли или медиатором в ее сотворении.

В образном пространстве фино-угров также фигурирует космогонический миф о возникновении мира из яйца, снесенного в море гигантской уткой (гусем). Данный текст не только выявляет субстанциально-генетическое начало сущего, но и выражает действие принципа «оборотничества», свойственного мифологическому пониманию угров и самодийцев, где одно превращается в другое (в свою противоположность) [6. С. 3–21]. В другом варианте мифа о «ныряющей птице, достающей со дна первичного океана крупицу земли» [7. С. 189], представляющем «прауральский» вариант объяснения происхождения земли, создается образ водоплавающей птицы как создателя или помощника творца вселенной. Тем самым, образ птицы у большинства народов Севера России наделяется символическим значением и входит в развитую мифологическую систему самодийских (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), фино-угорских (саамы, вепсы, ханты, манси, коми), тунгусо-манчжурских (эвенки, эвены, негидальцы, ороки, нанайцы, ульчи, удэгэйцы, орочи), а также юкагиров, нивхов, кетов, ительменов и др. народностей как символ Демиурга. Образ птицы нередко выступает в качестве символа Души у обско-угорских и самодийских народов Севера. Не случайно обряды захоронения были связаны с прилетом птиц. У ненцев считалось, что весной душа улетает вместе с птицами на Север. С прилетом и отлетом птиц связаны весенний и осенний ритуалы «окончательного» захоронения и поминовения усопших. Согласно традиции предков, если человек умер зимой, то временем его ухода в иной мир считается весенний прилет птиц и до этой поры он называется не *хальмер* (покойник), а *вадэда* (растущий) и лежит в нарте, оставленной посреди тундры. Весной его хоронят, а осенью, в период отлета птиц, совершают обряд поминовения [3. С. 315].

У среднеобских хантов по обычаю человека, умершего в зимний период, провожают «по ту сто-

рону Неба» только весной. Скульптуру-вместилище души усопшего сунг-коот сберегают до прилета уток. В обряде «расставания с умершим» (или его обитающей в сунг-коот душой) непременно участвует образ утки, уносящие душу на север. В это же время, с прилетом уток, вселяются в новорожденных являющиеся с юга имена-души [3. С. 354].

Образ птицы как помощника-проводника души встречается и у тунгусо-маньчжурских народов. Все ритуальные действия, связанные с похоронами были направлены на то, чтобы душа ребёнка была унесена птицей. Орочи верили, что душа младенца попадает в загробный мир не обычным путем (пешком с помощью шамана), а уносится уткой. Поэтому ребенка, умершего в возрасте до одного года, клали в деревянный гроб, выдолбленный в виде утки (реже другой птицы), а гроб крепили в развилке дерева или помещали на пне (так как хоронить младенца в земле было запрещено) [8. С. 60].

Таким образом, можно заключить, что образ птицы у народов Севера России понимается в качестве символического помощника-проводника, связывающего мир живых и мир умерших.

Образы птиц имеют важное значение в жизнедеятельности народов Севера России, фигурируя в многообразии тотемических мифов, где их образы рассматриваются в качестве духов-покровителей селения, которые считались предками людей, рожденных в данной местности. Птицей-тотемом у северных народов преимущественно выступали трясогузка, филин, ястреб, орел гусь, гагара и т. п. Такое разнообразие ипостасей, в которых воплощался дух-покровитель селения или фратриальный прародитель, связано с сосуществованием разнотадальных проявлений культа предка [9. С. 12–19].

В культах многих народов мира считалось, что тотем защищает своих приверженцев, поэтому части тела тотема служили амулетами-оберегами. С развитием культуры происходит трансформация обрядов почитания предков. Так, в годы плохого промысла изображение священной птицы «тиражировалось» в жилищах и жертвенных местах (повсюду, где обитали люди, устанавливали фигурки гагар) [10. С. 92], многократно проявлялось в одежде, предметах быта, орудиях труда и оружии. Наблюдающиеся пережитки тотемизма начинают бытовать в более опосредованной и видоизменённой форме, что внешне проявлялось в почитании не самого животного, а частей его тела (клювов, лапок, шкурок, перьев, пуха и т. п.) и его изображения.

Как верно указывает З.П. Соколова, декоративное значение образ птицы приобрёл позднее, первоначально её защитный смысл. Тем более что, исходя из представлений примитивного человека, изображение птицы равно самой птице, так как в него вселяется душа этой птицы. [11. С. 40]. Поэтому образ гагары в искусстве синкретичен, он является собой феномен, который обладает разными, а то и противоположными характеристиками и вместе

с тем его очень трудно разделить на части. И такое расчленение будет весьма условным – так как в этом искусстве единство охватывает все фрагменты, все факторы, все средства и все образы.

Изображённый образ для автохтонного человека не являлся произведением искусства – он был живым. Изначально это проявляется в особенностях техники выполнения того или иного изделия. Форма исходного материала (кость или камень) для создания того или иного произведения подбиралась такой, чтобы она как можно больше соответствовала конечному образу. Исходный материал по своей форме должен напоминать изображаемое существо, оно как будто «спит» внутри материала, а творец должен лишь немного помочь ему своей художественной обработкой, чтобы воссоздаваемый образ стал «острее». Если на стенах пещеры изображалась птица или животное, то рельеф поверхности повторял природные изгибы этого существа. Это позволяет заключить, что в сознании человека не возникало противоречия между настоящей и нарисованной птицей. С дальнейшим усовершенствованием орудий труда эти задачи еще более упростились, о чем свидетельствуют изображения птиц-тотемов, которые наносились в виде резьбы на домовые столбы, поддерживавшие балки, на специальные стоящие перед домом темные столбы, доспехи, оружие, орудия труда и утварь; в виде рисунков они встречаются на одежде, в татуировке. Приведем пример обычая использования птичьих шкурок в утилитарно-декоративных (или, напротив, в культовых и обрядных) целях, который в прошлом был повсеместно распространён у многих народов Сибири и Крайнего Севера: ненцев, эвенков, саамов, обских угров и др. У алеутов и эскимосов встречаются головные уборы, изготовленные из целой шкурки утки, с крыльями и хвостом, а также шапки из тюленьей шкуры и китового уса, формой повторяющей туловище птицы [12. С. 178–194]. До настоящего времени ханты и манси украшают свою традиционную одежду орнаментами, среди которых немало важное место занимает изображение птиц. Это канонизированные типы узоров, у каждого из них есть не только свое название: «гусиные крылья», «выводок утят» «глухарка» и т. д., но и символическое значение [13, 14].

Итак, можно заключить, что космогонические воззрения, а также тотемизм и анимизм, промысловая обрядность [15] народов Севера России способствуют возникновению орнитоморфной символики, используемой в их художественной практике, где особо важное значение придавалось образу гагары. Начиная с промысловых (охотничьих и рыболовческих) этапов развития обращают на себя внимание часто воспроизводимые изображения водоплавающих птиц. Стилизованные образы гуся, лебедя и особенно утки присутствуют в культовой скульптуре, мелкой пластике (в том числе и вотивных предметов) из кости, кремня, дерева, а позднее металла (например, в виде ковшей с утиной

головой), влетают в раппорты узоров, украшающих различные предметы (утварь, орудия и оружие, украшения, текстильные изделия и т. д.).

Следует отметить, что мифологический и тотемический образ гагары получил наиболее яркое воплощение в изобразительной практике якутов и долган, в частности в бытовой и культовой пластике, где он функционирует в форме металлической скобы-держателя вожжи на женской оленьей упряжи. Металлическая *гугаарка* – характерная деталь женской упряжи долган, несмотря на свое практическое назначение, была вещью сакральной, так как в ней воплощен популярный и таинственный образ священной птицы. Имея важное ритуальное значение в обрядах инициации, она обладала особой магической, заклинательной функцией. *Гугаарка* представляет образ, наделенный многими значениями: она считалась оберегом женщины; выступала ее защитой от всякого рода неприятностей: нечистой силы, болезни и т. д. Исходя из чего, можно заключить, что в культовой символике предмета запечатлена жизненно важная информация, хранящая родовую память, а вещь, где использовался знак гагары, играла особую роль в ритуально-обрядовой практике долган, выполняя информационно-коммуникативную функцию (например, выступая в качестве ритуального предмета – подарка жениха невесте).

Пристальный интерес отечественных исследователей (Е.А. Алексеенко, С.В. Березницкий, А.И. Савинов и др.) вызывает своеобразная «продолговатая, слегка вогнутая» форма *гугаарки*, ассоциирующаяся с орнитоморфным силуэтом. Так, в отдельных наиболее художественно оформленных образцах пластического искусства четко просматривается голова и очертания птицы. Любопытно расположение образа птицы, символизирующее ее полет: «вытянутая фигурка металлической птицы на оленьей упряжи расположена так, как будто она устремлена вверх». Такое расположение, по мнению специалистов в области прикладного искусства, следует считать характерным для подобных фигурок и на других предметах, так как данный прием имеет широкое распространение в художественной практике народов Севера России. Так, на шаманском нагруднике и бубне птицы также изображены головой вверх, что символизирует принадлежность к Верхнему миру.

Кроме символической функции *гугаарка* выполняла и апотропеическую функцию. Особую роль в жизни народов Севера играли звуковые символы. Так, звон металлических подвесок, изначально выполняющий свое функциональное назначение, обладал для посвященного особым сакральным свойством. Благодаря множеству колец-подвесок кованый железный предмет непременно гремел, что считалось характерной особенностью и обязательным атрибутом женских *гугаарок*. Из-за металлических подвесок езда на оленьей упряжке, особенно в зимнее время, сопровождалась красивым мелодичным звоном. Кроме того, шум метал-

лических подвесок и в самом деле мог отпугивать хищных обитателей тундры, которые составляли реальную угрозу одинокому путнику.

Итак, *гугаарка* представляет собой предмет, не только выполняющий прикладные функции, но и выступающий как важный атрибут в различных магических обрядах, связанных с призыванием дождя или ветра и т. д. Она также является шаманским символом, ассоциирующимся с Нижним миром. С этой позиции гагара считается нечистой, поскольку посещает мир мертвых и обладает некоторыми хтоническими чертами. В сознании автхтонного населения образ гагары, связанный настолько же с Верхним миром (как творец земли она – птица священная), насколько и с Нижним, так как Нижний дух (олицетворенный в ныряющей птице или незримо присутствующий рядом) оказывается участником Сотворения, имеет амбивалентный характер. Такая двойственность образа гагары соответствует дуалистическому характеру космогонических мифов, где борются тесно связанные между собой силы доброго и злого начал. Факты свидетельствуют, что в культурной среде народов Севера России бытовало немало примет и поверий, связанных с поведением данной птицы. Например, особое значение придавалось крику гагары, считалось, что ее крик вещей. Так, необычный по тембровому окрасу крик гагары воспринимался народами Севера России в качестве символа несчастья, предвестника беды, которую следует отвести от человека и его семьи. Поэтому в шаманской практике камланий использовалось звукоподражание голосу гагары [4. С. 236–241].

Ярким примером использования знаков (символов) в декоративно-прикладном искусстве коренных народов Севера России является история костюма сибирских шаманов, где изображение гагары на кафтане долганского шамана символизировало принадлежность к родовому тотему. У нганасан, энцев и эвенков на костюме шаманов, камлающих духам Верхнего мира, имелись фигурные подвески в виде железного гуся (гагары). Проведенные исследования показывают, что в среде народов Севера России считалось, что при помощи покровительства птицы-демиурга шаман беспрепятственно поднимался вверх, тогда как птица в этот момент отвлекала на себя действия злых духов (чтобы они не мешали, вредя, тем самым, шаману). Такие подвески у эвенков Енисея назывались *этанами* и символизировали души животных, рыб и птиц, своеобразных добровольных помощников шаманов, якобы постоянно вселяющиеся в тело шамана и питающих его своей кровью. Среди них: гагары, утки лебеди, чирки и соколы; некоторые птицы напоминают гуся, журавля, куропатку, глухаря, турпана, дрофу [10. С. 214–216]. Этаны оберегали шаманов от злых духов, предупреждая об их появлении, и «исполняли» обязанности посыльных, разведчиков, исполнителей различных поручений, некоторые являлись «транспортным» средством [10. С. 182]. На короне шамана нганасан помещалась железная фи-

гурка летящей двуглавой птицы-мышелова. Эта птица находила в небе отверстие, через которое шаман проникал в Верхний мир. Наличие двух голов объясняется тем, что птица двуполоя [10. С. 182].

Подвески на костюме, надевавшимся при камлании духам Нижнего мира, частично повторяли подвески костюма для камлания духам Верхнего мира. Два железных изображения плывущих гагар символизовало момент «ныряния» шамана головой вниз.

Исследования искусства народов Севера России содержат сведения о том, что на головном уборе шамана была помещена железная фигурка чернозобой гагары, назначение которой в том, что птица должна была клювом пробивать отверстие, ведущее в Нижний мир, помогая шаману выбраться из него на землю [10. С. 107–108]. У селькупов и кетов металлические изображения, в том числе и птиц (гагары, лебеди), крепились не только к костюму, но и к бубну и колотушке. Практика свидетельствует, что изображение двухголовой гагары наделялось особым символическим значением и изготавливалось шаманами из железа для излечения больного и подвешивалось к шесту вне жилища [10. С. 123].

В ходе проведенного анализа художественного творчества народов юга Дальнего Востока и Сибири было обнаружено, что образ гагары олицетворял благополучие, здоровье, счастье и процветание. Так, у ульчей и нанайцев бытовала ритуальная деревянная посуда в форме водоплавающих птиц; носовая часть амурских лодок имела своеобразную деталь в виде фигуры птицы, ульчи в ней видели реальную птицу *кангу* из семейства гагар. У негидальцев в качестве лодочной птицы также выступала гагара Коми. Известно, что гагарам народы севера России приписывали способность отгонять болезни. Чтобы последние отступили, достаточно даже шкурки гагары, поэтому ее прикладывали к больному месту не только людям, но и лошадям. В прошлом на Печоре и нижней Оби шкурку гагары укрепляли на стене дома. В некоторых местах этот обычай сохранился и в настоящее время. Так, изображение орнитоморфного мотива, представленного в виде плоской металлической подвески, детально передающей очертания птицы [4. С. 236–241], в процессе своего развития в архаическом искусстве долган, нганасан, энцев и эвенков обретает символическое прочтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и культура нанайцев: Ист.-этногр. очерки / С.В. Березницкий, Е.А. Гаер, С.Ф. Карабанова и др. – СПб.: Наука, 2003. – 194 с.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, Академия наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1969. – 305 с.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. – 606 с.
4. Саввинов А.И. Проблемы этнокультурной идентификации долган: на материалах традиц. искусства: монография / отв. ред. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 309 с.

Итак, исследования в области традиционного искусства (Е.А. Алексеенко, А.В. Головнев, З.П. Соколова и др.) фиксируют наличие образа гагары в мифологии народов Севера России и обосновывают его появление из практики бытования архаических тотемистических представлений, в основе которых лежит почитание родовых культов. Образ птицы занимает важное положение в системе культовой символики народов Севера, где вещь, (например, у долган), использующая знак гагары, играла особую роль в ритуально-обрядовой практике и выступала в качестве шаманского символа, ассоциирующегося с Нижним миром. Так, *гугаарка*, символизируя образ священной птицы, выполняла магическую функцию в обрядах инициации долган. В процессе функционирования в художественном творчестве обско-угорских и самодийских народов Севера России образ гагары получил наиболее яркое воплощение в изобразительной практике якутов и долган (в бытовой и культовой пластике), где приобрел значение символа Души, благополучия, женственности и счастья.

Таким образом, можно утверждать, что на первых этапах развития культуры народов Севера России птицы представлялись в сознании людей в их естественном виде, хотя им и присваивались антропологические черты: склад характера, темперамент и мотивация поведения людей. В дальнейшем, с развитием анимистических представлений, образ птицы у большинства народов Севера России приобретает символическое значение и входит в развитую мифологическую систему самодийских (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), фино-угорских (саамы, вепсы, ханты, манси, коми), тунгусо-манчжурских (эвенки, эвены, негидальцы, ороки, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи), а также юкагиров, нивхов, кетов, ительменов и др. народностей как символ Демиурга.

Целью искусства северных народов является не столько передача эстетического отношения человека к происходящему в действительности и показ его разнообразных переживаний, а формирование национального самосознания в виде символических образов художественного творчества. В так называемом «изофольклоре» отражаются особенности мифологических представлений коренных народов Севера России в виде развитой орнитоморфной символики.

5. Кухта М.С. Междисциплинарные исследования орнитоморфного мотива Древо жизни в бронзовой металлопластике кулайской культуры // Труды международного форума по проблемам науки, техники, образования. Т. 1. – М., 2002. – С. 56–58.
6. Окладников А.П. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 3–21.
7. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции (приуральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5: Народы уральской языковой семьи. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. – 189 с.

8. Березницкий С.В. Мифология и верования орочей // Фольклор народов Маньчжурии. Вып. 2. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 208 с.
9. Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 160 с.
10. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
11. Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
12. Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этн. истории. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 225 с.
13. Лукина Н.В. Орнамент народов Западной Сибири / под ред. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 146 с.
14. Иванов С.В. Народы севера и Дальнего Востока. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX – начала XX в.). – М.; Л.: Наука, 1963. – 501 с.
15. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние; Академия наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1967. – 264 с.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 130.2 130.3

CONVERTING BIRD (LOON) IMAGE TO SYMBOL IN THE ART OF THE RUSSIAN NORTH PEOPLE

Olga G. Lukina,

Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarskogo street,
Tyumen, 625000, Russia. E-mail: lukina_79@inbox.ru

Tatyana V. Lazutina,

Dr. Sc., Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarskogo street,
Tyumen, 625000, Russia. E-mail: lazutinatv@yandex.ru

The paper describes the creation of symbols (as granting cultural phenomena, determined by cultural and historical context, with symbolic value) by the people of the Russia North. The research is devoted to the system of images underlying national thinking of people of the Russia North (Finno-Ugric, Samoyed, Tungus-Manchurian, Turkic, Chukchi-Koryak, Eskimo-Aleut groups). The key issue of the paper is to analyze the mechanisms of converting the bird image to a symbol by the example of sacral culture of the people of the Russian North.

Studying various empirical data revealing the features of creating symbols of the Russian North the authors have applied the dialectical method that promotes considering a thing in unity and diversity of its properties; the semiotic analysis and systematic approach that allows considering the art language of the people of the Russian North as certain integrity open to be changed.

Having summarized the data of theoretical studies of archaeological and ethnographic material and having analyzed the system of images in arts and crafts the authors made a conclusion that the indigenous people of the Russian North have preserved national traditions, where the memory of the mythological and totemic images of demiurge birds is alive. These images are acquired the value of a symbol in evolution. Practice indicates that the symbol as a universal category of artistic creation, is functioning on all levels of organizing language system in the culture of the people of the Russian North.

Cosmogonic and totemic views of the Russian North people contribute to occurrence of ornithomorphic symbols used in their artistic practice where the loon image was of great importance. The image impersonates the feminine, well-being and happiness; it was perceived as a mediator between the upper and the lower world.

Key words:

Creating symbols, language, imaging system, traditional art and culture.

REFERENCES

1. Bereznitsky S.V., Gaer E.A., Karabanova S.F. *Istoriya i kultura nanaytsev: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Nanai: Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 194 p.
2. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Historical and ethnographic essays (XVIII – beginning of XX century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 305 p.
3. Golovnev A.V. *Govoryashchie kultury: Traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking Cultures: Traditions of Samoyed and Ugric peoples]. Ekaterinburg, IIA UrO RAN, 1995. 606 p.
4. Savvinov A.I. *Problemy etnokulturnoy identifikatsii dolgan: na materialakh traditsionnogo iskusstva* [Problems of ethnocultural identification of Dolgan: on materials of traditional art]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 309 p.
5. Kukhta M.S. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya ornitomorfnoho motiva Drevo zhizni v bronzovoy metalloplastike kulayskoy kultury* [Interdisciplinary researches of ornithomorphic motive of the Tree of life in the bronze metal plastic of kulaysky culture]. *Trudy mezhdunarodnogo foruma po problemam nauki, tehniki, obrazovaniya* [Proc. International forum on the issues of science, technology and education]. Moscow, 2002. Vol. 1, pp. 56–58.
6. Okladnikov A.P. *O paleoliticheskoy traditsii v iskusstve neoliticheskikh plemen Sibiri* On Palaeolithic tradition in the art of the Neolithic tribes of Siberia]. *Pervobytnoe iskusstvo* [The primitive art]. Novosibirsk, nauka Publ., 1971. pp. 3–21.
7. Napolskikh V.V. *Drevneyshie etapy proiskhozhdeniya narodov uralskoy yazykovoy semyi: Dannye mifologicheskoy rekonstruktsii (priuralskiy kosmogonicheskiy mif)* [The earliest stages of the origin of the peoples of the Uralic language family: data of mythological reconstruction (Priuralsky cosmogonic myth)]. *Materialy k serii «Narody Sovetskogo Soyuz»* [Materials for the series «The peoples of the Soviet Union»]. Moscow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology Press, 1991. 189 p.
8. Bereznitsky S.V. *Mifologiya i verovaniya orochey* [Mythology and beliefs of the Oroch. Folklor narodov Manchzhurii] [The folklore of the people of Manchuria]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999. Iss. 2, 208 p.
9. Baulo A.V. *Atribut i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Attribute and myth: metal in the rites of Ob Ugric peoples]. Novosibirsk, Publishing house of Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, 2004. 160 p.
10. Ivanov S.V. *Skulptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX vv.* [The sculpture of the peoples of the North Siberia XIX – first half of XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 296 p.
11. Sokolova Z.P. *Kult zivotnykh v religiyakh* [The cult of animals in religions]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 215 p.
12. Lyapunova R.G. *Aleuty: Ocherki etnicheskoy istorii* [Aleuts: Essays in ethnic history]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 225 p.
13. Lukina N.V. *Ornament narodov Zapadnoy Sibiri* [The ornament of Western Siberia peoples]. Tomsk, Tomsk state University Publishing house, 1992. 146 p.
14. Ivanov S.V. *Narody severa i Dalnego Vostoka. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (Po materialam XIX – nachala XX v.)* [The peoples of the North and Far East. The ornament of the peoples in Siberia as a historical source (Materials of the XIX – beginning of XX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 501p.
15. Alekseenko E.A. *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kety. The historical-ethnographic essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 264 p.